

2016
-20

ÉTUDES FINNO-OUGRIENNES

58925

TOME XV · 1978-1979

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST

ÉTUDES FINNO-OUGRIENNES

Revue fondée par A. SAUVAGEOT et J. GERGELY

Les ÉTUDES FINNO-OUGRIENNES sont l'organe commun des deux institutions qui, au sein de l'Université de la Sorbonne Nouvelle (Paris III), assurent ensemble les activités d'enseignement et de recherche consacrées aux langues d'origine finno-ougrienne et aux peuples qui les parlent:

— le *Centre d'Études Finno-ougriennes*, section de l'Institut d'Études Linguistiques et Phonétiques (adresse propre du C.É.F.O.: Centre Censier, 13 rue de Santeuil, 75005 Paris);

— la chaire des langues finno-ougriennes de l'*Institut des Langues et Civilisations Orientales* (I.N.L.C.O., 2 rue de Lille, 75007 Paris).

La revue est publiée, à raison d'un volume par an, par les soins de l'*Association pour le Développement des Études Finno-ougriennes* (A.D.É.F.O.), dont le siège est à l'I.N.L.C.O.

DIRECTION ET RÉDACTION

Directeurs: Aurélien SAUVAGEOT et Jean PERROT.

Comité de rédaction: István SZATHMÁRI, Jean GERGELY, Anna KOKKO-ZALCMAN, Vahur LINNUSTE, Jean-Luc MOREAU, Aimo SAKARI.

Secrétariat de la Rédaction: Odile DANIEL.

Adresse de la Rédaction: Centre d'Études Finno-ougriennes, 13 rue de Santeuil, 75005 PARIS.

COMITÉ DE PATRONAGE

Finlande: Lauri HAKULINEN, Erkki ITKONEN, Aulis J. JOKI, Matti KUUSI, Lauri POSTI, Erik TAVASTSJERNA, Niillo VALONEN, † Kustaa VILKUNA, Pertti VIRTARANTA.

Hongrie: Loránd BENKŐ, Béla GUNDA, Péter HAJDÚ, Béla KÁLMÁN, Gyula LÁSZLÓ, István SZATHMÁRI.

U. R. S. S.: Paul ALVRE, Paul ARISTE, B. A. SEREBRENNIKOV.

Autres pays: Björn COLLINDER (Suède), Martin L. KOVÁCS (Canada), Adnan A. SAYGUN (Turquie), Thomas A. SEBEOK (U.S.A.).

VENTE

AKADÉMIAI KIADÓ
H-1054 Budapest, Alkotmány utca 21.

ÉTUDES
FINNO- OUGRIENNES

TOME XV

Années 1978-1979

NUMÉRO SPÉCIAL

*Publié avec le concours
du Centre National de la Recherche Scientifique*

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST 1982

PARIS
LIBRAIRIE KLINCKSIECK

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ КАРЕЛЬСКОГО, ВЕПССКОГО И СААМСКОГО ЯЗЫКОВ С ПОМОЩЬЮ ПЕРФОКАРТ

Современное развитие науки невозможно без сбора, обработки и систематизации огромного количества исходного материала. Это в равной степени относится и к исследованию лексики. Сам характер работы с лексикой предполагает наличие большого количества материала, подвергаемого анализу. Следует учесть, что исследования по лексике (как, естественно, и другие исследования) должны быть исчерпывающими, т. е. весь лексический материал, имеющийся у исследователя, должен занять свое место в создаваемой им классификации. Между тем, естественные человеческие возможности до известной степени ограничены. Исследователь не в состоянии одновременно охватить весь имеющийся в его распоряжении материал. Необходимо также привлечь внимание то обстоятельство, что один и тот же материал зачастую необходимо классифицировать по различным принципам в зависимости от целей исследования, что создает дополнительные трудности. И, наконец, система классификации материала должна быть такой, при которой описание при необходимости можно легко проверить, информация, составляющая инвентарь, доступна. Все эти принципы могут быть соблюдены при условии введения лексического материала на перфокарты. Для кодирования собранного лексического материала используются перфокарты международного употребления типа К-5 размером 207 × 147 мм, имеющие 100 пар рабочих отверстий.

В качестве исходного материала исследования используется лексика, собранная в полевых условиях, по специальному семасиологическому словнику-вопроснику, включающему в себя около 2000 семантем. Материал собирался по карельскому (24 пункта), вепсскому (6 пунктов) и саамскому (5 пунктов) языкам. Пункты сбора диалектного материала были определены таким образом, чтобы лексика, собранная в них по возможности давала

изоглоссы, т. е. в самом начале учитывалось диалектное членение языков. Для сравнения при работе с перфокартами может быть использован также лексический материал и по другим языкам и говорам. Свободные пары отверстий для введения дополнительных данных по языкам и говорам имеются. В основу словника-вопросника положен словник Лингвистического атласа Европы. Словник дополнялся лексикой, отражающей реалии духовной и материальной жизни сельского населения карел, вепсов, саамов. В словник-вопросник включены также заимствования из литовлятышских (J. KALIMA: Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki 1936), германских (E. N. SETÄLÄ: Bibliographisches Verzeichnis der in der Literatur behandelten älteren germanischen Bestandteile in den ostseefinnischen Sprachen. — FUF, XIII, 1913) и славянских (J. KALIMA: Slaavilaisperäinen sanastomme, Helsinki 1952) языков. Семантически словник-вопросник состоит из трех разделов: А. Вселенная, В. Человек и С. Человек и вселенная. Каждый раздел имеет соответствующие подразделы. Словник дополнен также базисными и дополнительными словами по Свадешу. Заимствованные и базисные слова отмечены индексами. Заимствованные слова при соответствующих семантемах приведены в огласовке финского литературного языка по источникам, указанным выше. Для облегчения целенаправленного поиска слова при отдельных семантемах приводятся карельские или вепские соответствия. При занесении слова на перфокарту по возможности определяется также характеристика слова по отношению к генеалогическому древу: исконное, прибалтийско-финское, финно-угорское.

В результате операции с перфокартами возможно получение следующих характеристик:

- 1) Выявить количество общих слов (соответственно и различных) в любом семантическом классе между двумя и более любыми произвольно взятыми говорами, диалектами или языками;
- 2) подсчитать (а, следовательно и сравнить) количество литовлятышских, германских или славянских заимствований в различных говорах, диалектах, языках;
- 3) применяя методику Свадеша, выяснить хронологический период расхождения генетически родственных языков и диалектов;

4) определить тип фонетического облика слова, а, следовательно, и степень родства в количественном отношении любых произвольно взятых говоров, диалектов, языков. Понятие типа фонетического облика слова вводится нами впервые.

В процессе исторического развития в различных языках, а также диалектах одного и того же языка отложилось разное (неодинаковое) количество общих родственных слов (включая и фонетические варианты) или заимствований. В близкородственных языках и диалектах родственных общих слов значительно больше, чем в языках (и соответственно диалектах) более отдаленного родства. Неравномерность распределения по языкам, диалектам, говорам общих по фонетическому облику слов (генетически родственных и заимствованных), выражающих одно и то же понятие, позволяет выделить территориальные языковые единицы, имеющие большее количество общих слов и меньшее. Тип фонетического облика слова определяется в зависимости от количества родственных (этимологически) и заимствованных слов, выражающих одно понятие, в говоре, диалекте какого-либо языка. Каждое слово получает соответствующий индекс типа фонетического облика слова. К типу I мы условно относим те слова, когда общность их по одному языку в выражении идентичного понятия составляет 100%. Например, карельское слово *kakla* 'шея' зафиксировано во всех 24 обследуемых говорах, правда с фонетическими вариантами (*kagla*, *kaglu*, *kagl*) и следовательно, относится к I типу. Карельское слово *uni* 'сон' по всем диалектам выступает без фонетических вариантов, если не считать палатализации согласного в некоторых говорах. К типу II мы относим слова, когда общность их в пределах одного языка по выявленным говорам составляет от 99% до 80%; соответственно к типу III — от 79 до 60%, к типу IV — от 59 до 40%, к типу V — от 39 до 20% и к типу VI — от 19 до 1%. Понятие типа фонетического облика слова позволит определить в совокупности типы родственных языков и диалектов.

Безусловно, эти данные могут пролить свет на более углубленное исследование прибалтийско-финских языков как в синхронном, так и в диахроническом планах. На синхронном уровне совокупность лексических данных поможет уточнить диалектное членение указанных языков, а вместе с тем и статус людиковского наречия, занимающего промежуточное положение между карельским и вепским языками. На диахронном уровне лексиче-

ские материалы помогут в решении сложной проблемы происхождения лудиковского и ливвиковского наречий карельского языка, т. е. в первую очередь определению субстратного характера этих наречий.

Г. М. КЕРТ

Dans son journal intime *Tilikirja*, le poète finnois Juhani Siljo (1888-1918) fait des comparaisons entre ses philosophes favoris. Il reconnaît la grandeur de Schopenhauer, mais il aime aussi Nietzsche et Kierkegaard: «Mutta minusta se si vielä riittä hänen elämäntyötään korottamaan arvossa yläpuolelle Zarathustran, sillä siitä ei saa sitä sydämen iloa ja elämänvoimaa, jota Zarathustrasta. — Kyllä minä asettaisin heidät (Schopenhauerin ja Nietzschen) jokseenkin samalle arvoasteelle; jos Schopenhauer olikin paljon mahtavampi ajattelijana, niin on taas Nietzschen persoonallisuus ja ilmiömäinen runovoima jotakin melkein vielä suuremmoisempaa. — Kierkegaardissa on sekä terävä äly että sydämen syvä vilpittömyys ja uskonnollinen kaipuu yhdessä; hänessä on paljon sekä Schopenhaueria että Nietzscheä.» («Mais à mon avis cela n'est pas suffisant pour élever la valeur de son œuvre au-dessus de Zarathoustra, car elle ne donne pas la même joie au cœur ni la même force vitale que Zarathoustra. J'aimerais bien placer les deux (Schopenhauer et Nietzsche) au même niveau; si Schopenhauer était beaucoup plus impressionnant comme penseur, la personnalité et la force poétique phénoménales de Nietzsche étaient quelque chose de presque plus magnifique encore. Dans Kierkegaard se trouvent réunies l'intelligence aiguë et la profonde sincérité du cœur; il y a en lui beaucoup de Schopenhauer et de Nietzsche.» (*Runot* p. 31)

Siljo semble sous-estimer l'importance philosophique de la pensée de Nietzsche et cependant, il est charmé par sa sagesse poétique. Comment comprendre l'amitié d'un poète moralisateur, idéaliste et même «religieux» pour le prophète de l'immoralisme, de l'anti-idéalisme et de l'athéisme? Quel est l'apport de la philosophie de Nietzsche dans l'œuvre de Juhani Siljo?

Siljo a très tôt lu la poésie d'inspiration nietzschéenne d'Eino Leino (SORAINEN pp. 44—60). C'est ainsi qu'il a pu connaître, dès sa jeunesse, une certaine pensée nietzschéenne. Plus tard, il a traduit un petit poème